

Сергей Патрушев

Симпатичная

Сергей Патрушев

Симпатичная

<https://litres.ru/74075894>

SelfPub; 2026

Аннотация

Симпатичная, удобная, правильная Ася — девушка, которая всегда знала, чего от неё ждут. Она улыбалась, когда было больно, соглашалась, когда хотелось кричать, и прятала настоящую себя так глубоко, что почти забыла о её существовании. Все считали её счастливой. Но внутри была лишь пустота.

Нелюдимый, резкий, колючий Глеб — парень, который прятался от мира в библиотечной пыли и носил нелепые кофты с чужого плеча. Он писал рассказы о пустых комнатах и заброшенных парках, не пытаясь никому понравиться. Все считали его неудачником. Но внутри горел свет.

Их встреча была случайной. Его слова — безжалостными. Он первым посмел сказать ей правду: «Твоя ракушка давно пустая, там ничего нет». А потом он первым увидел ту, кем она могла стать, — живую, настоящую, злую, прекрасную в своей неидеальности.

Это история о борьбе души против тела, свободы против комфорта, любви против страха.

Сергей Патрушев

Симпатичная

Глава первая

Утро началось не с кофе. Утро началось с осознания того, что в зеркале на меня смотрит совершенно чужой человек. Нет, черты лица были мои — те же скулы, что бабушка называла острыми, как у молодой лани, тот же разрез глаз, чуть раскосый, доставшийся от отца, те же губы, которые я машинально закусил, разглядывая своё отражение. Но что-то внутри этого лица сдвинулось, сломалось, перегорело за ночь, как старая лампочка в прихожей, которую мы никак не могли заменить. Я провела пальцами по щеке, ожидая, что кожа будет другой на ощупь — бумажной, чужой, но нет, кожа была моей, тёплой и чуть шершавой после сна. Тогда почему же я чувствовала себя так, будто меня подменили в колыбели, а настоящая Ася где-то потерялась по дороге в этот сентябрьский вторник?

Кухня встретила меня запахом подгоревшей овсянки — мама снова забыла выключить плиту, увлечшись утренней сводкой новостей. Я перешагнула через кота, лениво развалившегося на пороге, и выключила конфорку. Кастрюля жалобно звякнула. Из гостиной доносился приглушённый го-

лос диктора, рассказывающий о колебаниях валют и очередном скандале в городской администрации. Обычный шум, привычный фон моей жизни, но сегодня он раздражал, царапал слух, как винил на старом проигрывателе. Мне хотелось тишины. Той самой звенящей, глубокой тишины, в которой можно наконец услышать собственные мысли.

Я налила себе холодной воды из графина, стоящего на подоконнике, и взглянула во двор. Там кипела своя жизнь: дворник дядя Миша методично сгребал первые жёлтые листья в кучу, его движения были ритмичными, почти гипнотическими. Молодая мамаша с коляской цвета фуксии что-то оживлённо рассказывала по телефону, свободной рукой поправляя одеяльце. Двое мальчишек с ранцами наперевес неслись к школе, поднимая фонтаны брызг из вчерашних луж. Идиллия, подумала я, чужая, картонная идиллия. Я смотрела на них через двойное стекло, и мне казалось, что я наблюдаю за рыбами в аквариуме. Они живут, двигаются, даже что-то говорят, но звук не доходит. Может быть, я просто оглохла на мир?

Мама появилась в кухне бесшумно, в своих любимых войлочных тапках, стоптанных до основания. Она была ещё в халате, волосы небрежно собраны в пучок на затылке. Под глазами залегли тени — она допоздна сидела над новым переводом, какой-то сложной статьёй про искусственный ин-

теллект, где термины были длиннее предложений. Мама заправила за ухо выбившуюся прядь и сочувственно посмотрела на кастрюлю с овсянкой.

— Опять сбежала, — сказала она не столько мне, сколько самой себе. — Будешь есть или сделать тебе нормальный завтрак?

— Я не голодна, — ответила я, не оборачиваясь, продолжая гипнотизировать дворницкую кучу листьев, которая уже начала дымиться лёгким, едва заметным дымком. Дядя Миша, старый пироман, кажется, опять решил сжечь улики своего труда вместо того, чтобы грузить их в мешки.

— Ася, — мамин голос стал чуть твёрже, — тебе нужно поесть. Впереди долгий день.

Долгий день. Если бы она только знала, насколько. Я повернулась, нацепив на лицо ту самую улыбку, которую она хотела увидеть. Спокойную, чуть рассеянную, «симпатичную». Я хорошо умела это делать. Наверное, это и стало моей главной проблемой.

Университет встретил меня привычной суетой. Старое здание филологического факультета с его высокими сводчатыми потолками и вечным запахом книжной пыли обычно действовало на меня успокаивающе. Здесь я была в своей стихии. Лекции по структурализму, семинары по поэтике Серебряного века, бесконечные обсуждения текстов — всё это было моим убежищем. Но сегодня даже массивные

дубовые перила лестницы, отполированные тысячами ладоней, казались холодными и чужими. Я поднималась на третий этаж, и каждый шаг отдавался глухим эхом в висках.

Моё место было у окна, в самом конце аудитории. Оттуда открывался вид на городской парк, где кроны деревьев уже начали желтеть и багроветь, словно кто-то небрежно плеснул на зелень акварель. Я села, достала тетрадь, ручку, разложила их в идеальном порядке, как любил делать мой дед, старый военный хирург. Порядок на столе создаёт иллюзию порядка в голове, говорил он. Что ж, иллюзия мне сегодня была просто необходима.

Аудитория постепенно наполнялась. Гул голосов, смех, звук передвигаемых стульев — всё это сливалось в единую какофонию. Я смотрела на входящих однокурсников. Вот Катя, наша бессменная староста, уже нервно поправляет стопку раздаточных материалов, поглядывая на часы. Вот Макс, вечный троечник и душа компании, что-то громко доказывает соседу по парте, размахивая руками. Они все такие живые, настоящие, включённые в этот момент. Я же чувствовала себя актрисой на пустой сцене, которая продолжает играть спектакль, зная, что зрительный зал давно опустел. Это было то самое чувство нереальности происходящего, которое психологи называют дереализацией. Я читала об этом. Знала термины, могла написать эссе на тему «Отчуждение

личности в современном обществе», но переживать это изнутри оказалось совершенно иным опытом. Слова ничего не могли объяснить.

— Аська, привет! Ты чего застыла, как изваяние? — передо мной возникла Лера, моя единственная близкая подруга. Она была полной моей противоположностью: шумная, яркая, с огненно-рыжими волосами, которые, казалось, жили своей собственной, непокорной жизнью. Лера никогда не задумывалась о том, «как она выглядит со стороны» или «что о ней подумают». Она просто была, заполняя собой всё пространство, как солнечный луч.

— Задумалась, — коротко ответила я, возвращаясь взглядом к своей тетради. На чистом листе я уже успела нарисовать замысловатую спираль, которая сужалась к центру, в чёрную точку. Точно так же, как мои мысли.

— О великом? — Лера плюхнулась на соседний стул, и он жалобно скрипнул. — Или о бренности бытия? Ты последнее время слишком часто «задумываешься», подруга. Может, тебе развеяться? Кир завтра устраивает вечеринку в честь своего дня рождения, все наши будут. Пойдём!

Имя Кира прозвучало как выстрел. Я машинально сжала ручку в пальцах так, что побелели костяшки. Кир. Тот самый Кир, с которым мы прожили два года, деля пополам все радости и тревоги, не разлей вода, как говорили наши мамы. Тот самый Кир, который три недели назад стоял на этом са-

мом месте, у этого самого подоконника, переминаясь с ноги на ногу, и говорил мне: «Понимаешь, Ась, ты просто... слишком сложная. Ты всё анализируешь, раскладываешь по полочкам. С тобой невозможно быть лёгким. А мне сейчас нужна лёгкость». Я слишком сложная. В тот момент во мне что-то хрупнуло, но я не заплакала. Я просто кивнула, сказала что-то вроде «я понимаю», развернулась и ушла, спиной чувствуя его растерянный взгляд. Он ждал истерики, слёз, сцены — он хотел этого, чтобы почувствовать себя правым. Но я была слишком «правильной» даже в расставании. Симпатичная и правильная Ася.

С тех пор я не видела его, стирала его сообщения не читая, перестала ходить в любимую кофейню на углу, потому что там был высок риск случайной встречи. И вот теперь Лера, моя добрая, ничего не подозревающая Лера, приглашает меня на его вечеринку.

— Вряд ли, Лер, — я постаралась, чтобы мой голос звучал беззаботно. — У меня завал с курсовой. Бахтин и карнавальная культура не ждут.

— Вечно твой Бахтин! — фыркнула она, но допрос прекратила, уткнувшись в телефон. Я с облегчением выдохнула. Врать у меня получалось плохо. Ещё одно моё качество, которое Кир называл «сложностью» — я совсем не умела быть удобной, изворачиваться и надевать маски, если только эти маски не были масками «хорошей девочки».

Лекция по зарубежной литературе прошла мимо меня. Профессор Белинский, сухонький старичок с энциклопедическими знаниями и привычкой засыпать на полуслове, сегодня был в ударе и распространялся о символизме бабочки в романе Фаулза «Волхв». Слова влетали в одно ухо и, не задерживаясь, вылетали в другое. Моя собственная мысль крутилась по замкнутому кругу: «симпатичная», «удобная», «сложная», «лёгкая». Какая из них я? И кто вообще решает, какой мне быть? Я смотрела на чёрную точку в центре нарисованной спирали, и внезапно это словосочетание в голове Леры, «все наши», обрело новое, пугающее значение. Все наши — это не только Кир, но и его новая девушка, о которой мне услужливо доложили хорошие люди на прошлой неделе. «Ты не поверишь, Ась, она такая... никакая. Серенькая мышка. Наверное, очень удобная». Слово «удобная» припечатало меня окончательно.

После пары, не дожидаясь Леру, я выскользнула в коридор и быстро пошла к выходу. Университетский дворик встретил меня порывом ветра, который бесцеремонно швырнул в лицо горсть сухих листьев. Я зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела его. Он стоял у ворот, облокотившись на чугунную решётку, и, кажется, ждал именно меня. Высокий, нескладный, в нелепой вязаной кофте с вытянутыми рукавами, которую явно купил в секонд-хенде, но на нём она смот-

релась артистично. Это был Глеб, мой однокурсник, тот самый «странный парень», который вечно сидел в библиотеке за самыми пыльными фолиантами, писал стихи в толстую чёрную тетрадь и никогда не участвовал в общих гулянках. Мы практически не общались, только иногда обменивались дежурными приветствиями в коридорах. Я даже не была уверена, что он знает моё имя.

Он заметил меня, оттолкнулся от решётки и сделал шаг навстречу. Его глаза, светло-серые, почти прозрачные, смотрели не на меня, а словно сквозь, и от этого взгляда стало не по себе.

— Ася, — сказал он. Это был не вопрос, а утверждение. — У тебя потерянный вид. Я давно за тобой наблюдаю. Можно подумать, что ты хочешь исчезнуть.

Я опешила. Никто, даже Лера, не говорил мне таких вещей. Люди видели спокойную, симпатичную Асю, и их это полностью устраивало. Зачем заглядывать глубже? Зачем трогать то, что и так хорошо работает? А этот странный Глеб с его рентгеновским зрением, кажется, видел ту самую чёрную точку в центре моей спирали.

— Что за глупости, — я попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой, жалкой. — Я просто задумалась о курсовой.

— Врёшь, — спокойно сказал он, без капли осуждения, просто констатируя факт. — Ты давно потерялась, и тебе это

даже нравится. Быть потерянной — это удобно. Не надо принимать решений, не надо ничего чувствовать. Сидишь в своей ракушке, такая вся симпатичная. Только ракушка эта давно пустая, там ничего нет.

Слова ударили наотмашь. Безжалостно, точно и больно. Всё то, что я так тщательно прятала даже от самой себя, было только что вытащено на свет этим неприятным, бестактным, совершенно чужим парнем. Я почувствовала, как к горлу подступает комок, а к глазам — предательская влага. Злость вспыхнула во мне мгновенно, защитной реакцией на его правоту.

— Кто ты такой, чтобы говорить мне это? — мой голос дрожал. — Ты меня совсем не знаешь! Ты сидишь в своём углу со своими книжками и воображаешь себя знатоком человеческих душ? Ты просто... ты просто...

Я задохнулась, не в силах подобрать слова. Вся моя хваленая филологическая эрудиция испарилась. Я просто стояла и ненавидела его, ненавидела за то, что он посмел сказать правду, которую я прятала так глубоко, что уже и сама почти забыла о её существовании. За то, что он смотрел на меня и видел не симпатичную оболочку, а зияющую дыру внутри. За то, что он, в своей дурацкой безобразной кофте, оказался прав.

Он не испугался моей вспышки, не отступил. Он стоял всё с тем же спокойным, изучающим выражением лица, словно

ждал именно этого — моей злости, моей боли, моей настоящей реакции. И это было страшнее всего. Потому что именно этой реакции и ждал Кир, но так и не дождался, назвав меня «сложной». А Глеб просто стоял и ждал, когда я закончу, как будто это было совершенно нормально.

— Вот такой ты мне нравишься больше, — тихо сказал он, когда я замолчала, хватая ртом холодный осенний воздух. — Живая. Настоящая. Злая. Это куда симпатичнее, чем та фарфоровая кукла, которую ты из себя строишь каждый день.

Он развернулся и пошёл прочь, засунув руки в карманы своих бесформенных брюк. Его спина, обтянутая нелепой кофтой, удалялась в сторону парка. А я осталась стоять на дорожке, в луже из собственных невысказанных слёз и растоптанных масок. «Живая. Настоящая. Злая». Никто и никогда не называл меня этими словами. Симпатичная, умная, воспитанная, сдержанная, сложная. Но не живая и уж тем более не злая. Хорошие девочки не злятся. Хорошие девочки улыбаются, даже когда им больно. Я усвоила этот урок на отлично. Я стала королевой «хороших девочек».

Я медленно опустилась на ближайшую скамейку. Влажное дерево сразу же холодом пробралось сквозь пальто. Впервые за долгое время я почувствовала что-то кроме пустоты. Это была смесь стыда, ярости и странного, щемящего облегче-

ния. Словно кто-то сорвал присохший бинт с долго не заживавшей раны, и свежий воздух наконец коснулся обнажённой, больной плоти. Было больно, мучительно больно, но это была очищающая боль. Это была боль, доказывающая, что я ещё жива.

Что-то изменилось в этот момент. Пазл, который до этого лежал грудой бессмысленных осколков, вдруг сдвинулся. Я поняла, что больше не могу и не хочу быть «симпатичной». Это прозрение не было радостным или светлым, оно было горьким, как полынь. Я не знала, куда идти и что делать дальше. Моя идеальная, выверенная вселенная пошатнулась от слов странного человека, который даже не был мне другом. Он был зеркалом, которое я сама боялась взять в руки. И сегодня он бесцеремонно поднёс это зеркало прямо к моему лицу, заставив увидеть не портрет, а пейзаж — выжженную, бесплодную землю, которая давно ждала дождя. Я сидела на холодной скамейке, провожая взглядом его удаляющуюся фигуру, и чувствовала, как по засохшей земле моей души пробегает первая, ещё робкая, но обещающая бурю дрожь. Это было страшно. Страшно и захватывающе интересно. Я улыбнулась, и на этот раз улыбка была настоящей. Не симпатичной — живой.

Глава вторая

Дождь зарядил с самого утра, мелкий, противный, сентябрьский. Он не лил стеной, а словно висел в воздухе водяной пылью, проникая повсюду, заставляя одежду неприятно липнуть к телу. Я стояла на остановке, спрятавшись под прозрачным козырьком, который совершенно не спасал от косях струй, и смотрела на расплывающиеся огни фар проезжающих машин. Мир снова стал аквариумом, но теперь аквариум был грязным, замутнённым, и рыбы в нём двигались вяло, словно сонные.

После вчерашней встречи с Глебом я почти не спала. Его слова крутились в голове, как заезженная пластинка. «Живая. Настоящая. Злая». Я прокручивала их снова и снова, пробуя на вкус, примеряя на себя, как давно забытое платье из дальнего угла шкафа. И чем дольше я об этом думала, тем отчётливее понимала, что совершенно не знаю, какая я на самом деле. Вся моя личность была собрана из чужих ожиданий, из удобных шаблонов, из того, что хотели видеть другие. Мама хотела видеть прилежную дочь — я была прилежной. Кир хотел видеть лёгкую девушку — я старалась быть лёгкой, пока не сломалась. Преподаватели хотели видеть способную студентку — я писала блестящие эссе, не вкладывая в них ни капли души. Я была зеркалом, отражающим чужие желания, но что было за этим зеркалом? Пустота. Чёрная точка в центре спирали.

Автобус подошёл, лязгнув дверями, и я вошла внутрь, в пропахшее сыростью и дешёвым табаком нутро. Свободных мест не было, и я встала у поручня, вжавшись плечом в холодное стекло. В наушниках играл какой-то меланхоличный инди-фолк, но я не вслушивалась в слова — музыка была лишь фоном, белым шумом, заглушающим гул собственных мыслей. Я ехала в университет, но сегодня мысль о лекциях вызывала не привычное равнодушие, а глухое раздражение. Мне казалось, что я больше не смогу сидеть в аудитории, делать вид, что слушаю, и изображать симпатичную заинтересованность. Что-то сдвинулось внутри, и старая шестерёнка, отвечающая за притворство, больше не хотела крутиться.

На факультете было непривычно тихо. Я поднялась на третий этаж, но вместо того чтобы идти в аудиторию, свернула в боковой коридор, ведущий в библиотеку. Там, в самом дальнем зале, за стеллажами с литературой девятнадцатого века, было моё тайное место — маленький стол у окна, выходящего во внутренний дворик. О нём мало кто знал, и я часто пряталась там, когда хотелось побыть одной. Мне нужно было подумать. Понять, что делать с той трещиной, которая пошла по моему идеальному фасаду после вчерашнего разговора.

Я толкнула тяжёлую дубовую дверь библиотеки и вошла в царство книжной пыли и вековой тишины. Здесь пахло вре-

менем — сухим, горьковатым, успокаивающим запахом старых страниц и кожаных переплётков. Библиотекарша, Анна Марковна, пожилая дама с неизменным пучком седых волос и пенсне на цепочке, дремала за своей кафедрой. Она даже не подняла головы при звуке моих шагов — узнала меня по походке, наверное. Я была здесь частым гостем. Проскользнув мимо неё, я углубилась в лабиринт стеллажей, туда, где свет настольных ламп был тусклым и жёлтым, как старый пергамент.

Моё место было занято. Я замерла на полпути, чувствуя, как внутри всё сжимается от неприятного предчувствия. За столом, ссутулившись над толстым фолиантом, сидел Глеб. Он не смотрел на меня, был полностью погружён в чтение, но я могла поклясться, что он знает о моём присутствии. Отступать было глупо. Уйти значило признать его победу, показать, что его слова задели меня настолько, что я не могу находиться рядом. А я не хотела показывать слабость. Особенно ему. Поэтому я, нацепив на лицо маску холодного безразличия, подошла к столу и села напротив, достав из сумки первую попавшуюся книгу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.